

УДК61
ББК 5
Е92

Фото на обложке: Студия 8bit
Фотографы Павел Кулиш и Марк Торпан

В коллаже на обложке использованы иллюстрации TopStudio,
Medicine-R / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Ефременко, Сергей Владимирович.

Е92 Милосердие смерти. Истории о тех, кто держит руку на нашем пульсе / Сергей Ефременко. — Москва : Эксмо, 2020. — 336 с. — (Профессия: врач. Невыдуманные истории российских медиков).

ISBN 978-5-04-109862-9

Если спросить врача-реаниматолога о том, почему он помнит только печальные истории, он задумается и ответит, что спасенных им жизней, конечно же, большинство... Но навечно в сердце остаются лишь те, кого ему пришлось проводить в последний путь.

Спасать жизни в России — сложная и неблагодарная работа. Бесцеремонность коллег, непрофессионализм, отсутствие лекарств и оборудования, сложные погодные условия — это лишь малая часть того, с чем приходится сталкиваться рядовому врачу в своей работе. Но и в самый черный час всегда остается надежда. Она живет и в сердце матери, ждущей, когда очнется от комы ее любимый сын, есть она и в сердце врача, который несколько часов отнимал его у смерти, но до сих пор не уверен, смог ли... Истории в этой книге не выдуманы, а собраны по крупицам врачом-реаниматологом, который сделал блестящую карьеру в России и бросил все, когда у него попытались отнять самое ценное — человечность. Это честный рассказ о том, чего нельзя узнать, не поносив медицинского халата; о том, почему многие врачи верят в Бога, и о том, как спасение одной чужой жизни может изменить твою собственную.

**УДК 61
ББК 5**

© Ефременко С.В., текст, 2019
© Давлетбаева В.В., разработка макета, 2019
© Мегерян А.Л., фото, 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-109862-9

СОДЕРЖАНИЕ

Воскресение в воскресенье	7
Я не хочу умирать	16
Боль	23
Кот	27
Сашка	31
Два вертолета	38
Навеяло	54
Радостная история	59
Встреча	64
Иллюзии	101
Иллюзия триумфа	126
Предательство	158
Сон	196
Лох	215
Убийство священного врача	235
Подлость	262
Паранойя	267
Жуть	280
Смерть друга	284
В ожидании апокалипсиса	295
За чертой	323

ВОСКРЕСЕНИЕ В ВОСКРЕСЕНЬЕ

Какого черта его понесло на ЛЭП-500, то ли «белочка» (она же белая горячка, она же *derilium tremens*, она же алкогольный делирий), то ли весеннее обострение тоски и депрессии — это теперь известно лишь ему самому да Господу Богу. Нам же, глядя на его полностью обгоревшее тело, со слов жены и бригады скорой помощи было известно, что этот здоровенный бугай под два метра ростом и весом килограммов этак сто двадцать вечером, как обычно, поколотив жену и погоняв соседей по бараку, внезапно изменил свой ежевечерний распорядок развлечений. Яростно крича и истошно матерясь, он внезапно понесся в сторону линии электропередачи высокого напряжения, мгновенно взлетел на одну из опор и кинулся на провода. Со слов очевидцев, горел он синим, неестественным пламенем, продолжая поносить отборным матом собравшихся зевак. Снимали его долго. Вначале пришлось обесточить линию, затем электрики совместно с пожарниками спустили обгорельца с опоры, и только спустя три часа после горения он был доставлен к нам в госпиталь.

Зрелище было страшным даже для нас, видавших и не такое. Обугленное, покрытое черным струпом тело было похоже на картинки «инопланетян», хранящихся на одной из баз ВВС США. Запах гари и жареного мяса, агональное дыхание и истошный вой супруги обгоревшего порождали чувство абсолютной безысходности и неотвратимости смерти.

Мы начали осторожно перекладывать пострадавшего на операционный стол в реанимационном зале.

Ожоговый струп трескался под нашими ладонями при каждом прикосновении к телу обожженного — перчатки в те времена были страшным дефицитом. Обнажавшиеся мышцы были коричнево-красными, но кровотечения не было. Кровь просто запеклась в сосудах. Мы все же успели перевести бедолагу на искусственную вентиляцию легких, заклатетеризировать центральную вену и начать противошоковую терапию. Он умер через тридцать минут после поступления. Звали его Вася Беркутов, и было ему от роду всего сорок два годочка.

Параллельно в операционную поступил молодой практикант-пэтэушник из трамвайного депо. По неосторожности получил в лоб несильный удар бревном. Парень был в сознании, без неврологических расстройств, но при этом имел линейный перелом лобной кости справа. Рану на лбу обработали, и парня из операционной перевели в реанимацию под наблюдение, опасаясь проявления различных осложнений, будь то внутрочерепные гематомы или судорожный припадок. Короче, как говаривали отцы-учителя — лучше перебдеть, чем недобдеть. Тем более травма у молодого пацана еще и производственная. Звали мальчика Петр Соколов, и было ему шестнадцать лет.

Остаток ночи прошел в пустых хлопотах: одно ножевое ранение в область живота, но не проникающее, один повешенный, но без витальных нарушений... Но все это требовало времени и внимания, так что к восьми утра в воскресенье наша бригада была вымотана донельзя.

Нас меняли легендарные герои анестезиологи-реаниматологи, Витя Шмит и Вова Рваев. Витя — маленький,

плюгавенький, похожий на Иудушку Головлева, с приплюснутым черепом и жиденькими волосиками, в очках на минус пять и вечно висячей соплей из одной (именно из одной) ноздри. Тридцати пяти лет от роду, всегда неряшливо одетый и непременно в шерстяных, вязаных носках во все сезоны, был он выпускником Одесского медицинского института и всегда любил повторять:

— Пацаны, когда вы еще садились первый раз за студенческую скамью, я уже отвозил своих первых пациентов на старое еврейское кладбище.

Как он был неопрятен внешне, так же он был неопрятен и небрежен профессионально. Но зато постоянно на одесских понтах. Звали его все просто Кузя.

Вова Рваев, выпускник Семипалатинского медицинского института, лет сорока, видно, был сильно опален последствиями испытаний на близлежащем ядерном полигоне. Он всем походил на героя русских народных сказок Иванушку-дурачка: выходец из народа, интеллигент в первом поколении, он был смешон и постоянно попадал в дурацкие ситуации из-за своего желания казаться грамотным, начитанным и высокообразованным. Вова таскал с собой портфель с книгами по философии, математике, астрономии, также учебник грузинского языка (на фиг это нужно анестезиологу-реаниматологу). Однажды, подобрав ключик к его портфелю, мы выложили эти занятные книженции и положили вместо них два кирпича. Вова мужественно таскал этот груз недели две.

**Агональное дыхание обгоревшего и истощной
вой его жены порождали
чувство абсолютной
безысходности и неотвратимости смерти.**

И однажды, придя утром на работу, застал его в ординаторской, стоящего посередине и державшего по кирпичу в каждой руке с явным намерением дать мне по башке этими красными кубиками.

— Вова! — закричал я. — Ты делаешь сразу две ошибки! — Я выскочил из ординаторской, захлопнув за собой дверь, удерживая там разъяренного Рваева. — Вова, ошибка первая — ты убиваешь абсолютно невинного! — продолжал орать я. — Вова, ошибка вторая — тебе дадут срок, и ты не сможешь вегетарианствовать на зоне, а также читать своих любимых авторов. Вова, одумайся!

Естественно, ни Вова, ни Кузя не испытывали ко мне симпатий. Но и между ними были не очень теплые отношения. Вова — единственный из врачей нашего отделения, кто запирал свой ящик в столе, храня там всякую дрянь и, конечно же, предметы гигиены. А на гигиене Вова был очень помешан: пил только из своей кружки, больничную пайку ел только из своей посуды. Витя же, наш одесский раздолбай, никогда не носил с собой ни зубную пасту, ни мыло, а потом перестал носить и зубную щетку. Брезгливым человеком Витя не был, поэтому просто подобрал ключик к Вовиному ящичку и стал пользоваться и его зубной пастой, и его зубной щеткой. Халявная гигиена длилась для Кузи года полтора, и, естественно, все мы об этом знали. Знали, но не молчали, а всякий раз хохотали по утрам после Кузиных дежурств, наблюдая, как Вова, наш сын трудового народа, тщательно перебирает предметы в своем ящичке, сетуя на влажность, не позволяющую высохнуть его зубной щетке. Когда Вова узнал о том, что вечно сопливый Кузя пользовался его щеткой, его бритвой, он слег и болел целую неделю. И еще месяц не разговаривал с нами.

И вот эти герои нас меняли. Воскресным утром мне страшно хотелось побыстрее покинуть нашу богадельню, наш приют для сирых и убогих, наш оазис горя и печали... Кузя тогда дежурил по реанимации, Вова по анестезиологии, хотя это деление было условно, ибо при поступлении в операционную более одного пациента в работу включался тот врач, который стоял на реанимации. И, наоборот, в писании дневников в реанимации всегда помогал анестезиолог. В реанимации на тот момент было десять пациентов: пятеро были в коме и на искусственной вентиляции легких, но стабильны, остальные же готовились к переводу в отделения. Я доложил Кузе о прошедшей ночи, о летальном исходе, о том, что все документы на погибшего оформлены, родственники оповещены, труп отправлен в судебно-медицинский морг. Кузя, слушая вполуха и отпуская цинично-дебильные комментарии по ходу моего доклада, умудрялся при этом смотреть телевизор, читать газету и попивать чаек. Усталый и раздраженный донельзя, я, также попивая чаек, решил немножко привлечь внимание своего визави и как бы случайно, как бы не видя, наклонил свою кружечку — чаек весело понесся на Кузину промежность. Заорав, Шмит вот уж воистину обратил на меня все свое внимание. Матерясь и проклиная мою полоротость, он вскочил и кинулся к раковине замывать следы чайной катастрофы, остужая место попадания горячего (но, поверьте, не очень) чая. Под веселый акком-

Реанимация — это обитель горя и печали, из которой хочется побыстрее вырваться на волю, особенно в воскресенье.

панемент его проклятий и пожеланий я выскочил из госпиталя на волю.

Несмотря на весеннюю, солнечную погоду, я проспал, провалялся весь день на диване, смотрел телевизор и читал какую-то простую, не отягощающую литературу. Утром же, бодренький и готовый к новым подвигам, я явился в родной госпиталь.

Что-то было не так. У приемного отделения стояла черная «Волга» нашего начальника КГБ, рядом стояли люди в черном. Мужчины в черных костюмах и черных рубашках, женщины в черных платьях с накинутыми на голову черными платками — вся эта публика резко отличалась от обычных жителей нашего города, шахтеров

Черная «Волга» начальника КГБ у входа в приемное отделение — это предвестник неприятностей.

и рабочих с заводов, своей неприкрытой элитностью и эмоциональной сдержанностью. Я поспешил в приемное отделение.

— Что это к нам с утра такая торжественная делегация? — спросил я ехидно у дежурной сестры. — Ктой-то

нас покинул из мира сильных и отчего же это мне, начальнику реанимации-анестезиологии, не сообщили о столь значимом событии в жизни нашего госпиталя и, судя по присутствию машины начальника КГБ, полковника Шедырбанова, может быть, и всего Советского Союза.

— Ой, Артем Сергеевич, так вы же сами схоронили мужчину, сгоревшего на проводах. Это все по поводу его собрались.

Ба, чудны твои дела, Господи. Этот забуддон, этот люмпен, живущий в грязном нищем бараке, оказался-то

королевских кровей! Ну, слава богу, там все было ясно, и ни один из судебных не кинет в нас камень. Ожег ста процентов тела третьей степени мог привести только к одному исходу.

«Тьфу, пронесло», — подумал я про себя.

Но, войдя в ординаторскую, понял — не пронесло, радовался я рано. На диване, как два суслика, сидели Вова и Кузя. На их лицах читались ужас и полное отрешение от реальности. Зато мой друг, толстяк и весельчак Богдан Ступка, сын репрессированных украинцев-западенцев, ржал, как конь, и приговаривал:

— Ну что, допрыгались-долетались? Готовьте сухарики, чемоданчики деревянные. Сейчас вас повяжут под белые рученьки, и на Колыму... — Увидев меня Богдан продолжил: — И начальничка нашего тоже повяжут из-за вас, придурков лагерных. Но его по благу отпустят. Он же друг гэбистского начальника, он же его сосед. А вам, хлопцы, кирдык, все.

Хлопцы уже чуть ли не рыдали. И было странно смотреть на этих больших дядей, находящихся в состоянии, близком к обморочному, как после глубокого нокаута.

— Богдан, прекрати, что случилось? — заорал я.

— Что случилось? А ты спроси у этих придурков.

— Я у тебя спрашиваю, кончай дурить.

— Тема, ты похоронил обожженного?

— Ну и что, там все было ясно, сто процентов нулевой исход.

— А может, ты скажешь, как его фамилия?

— Ну, Беркутов, ну откуда мне знать, что он с такими родственниками.

После этих слов Богдан еще пуще зашелся в смехе, а суслики на диване уже чуть не рыдали.

— Тема, вчера в девять утра, после твоего ухода, один из этих уродов сообщил по телефону родственникам пацана-практиканта, что тот помер от несовместимой с жизнью травмы. Они раз пятнадцать перезванивали и переспрашивали про Соколова Петра, и эти мудаки все время отвечали, что тело и то, что от него осталось, можно завтра забирать и хоронить.

— Артем Сергеевич, хочу официально заявить, что я в это время был в операционной и никому ничего я не отвечал. Все вопросы не ко мне, — промямлил Вова, сын трудового народа.

— Ах ты, крыса, — опять заржал Богдан, — сдаешь по-дельника.

— Ни фига, вместе на Колыму, вместе.

Теперь мне все стало понятно. Раздолбай Кузя проа-социировал Беркутова с Соколовым и, конечно же, все перепутал. Да, дела...

— Знаешь, кто родной дядя Петрухи Соколова оказался? — Богдан продолжил уже серьезно: — Замначальника КГБ Беларуси. Он сразу же вылетел в Москву, а оттуда к нам. Сейчас он с твоим другом-сатрапом у начальника госпиталя. Представляешь, за сутки до нас добрался, шесть тысяч верст. А мой батька шесть месяцев ехал в «стольпинском». Начальника трамвайного депо уже арестовали. Памятник, могилу и гроб уже подготовили. Вот так, Тема, держись. Но самое главное: ни родители, ни дядя, ни начальник госпиталя не знают о том, что малой жив. Так что дуй в административный корпус, а я тут этих преступников посторожу. А то или повесятся, или смоются, уроды.

Я, конечно же, пошел. Я попросил секретаршу тихо вызвать из кабинета полковника Шедырбанова и объ-

яснил ему, что произошло. Он вначале оторопел, затем побледнел, затем покраснел и вдруг зашелся в тихом истерическом хохоте. Тут уже побледнел я. Но Витя, отхохотавшись, махнул стакан воды и, ничего не говоря, вошел в кабинет к начальнику госпиталя. Через пятнадцать минут к нему зашел я. В кабинете сидело трое — двоих я знал хорошо, третий был дядей мальчика (в гражданском костюме, но, судя по всему, генерал-майор) и выглядел он удрученно-счастливо и торжественно. Я представился, мы пожали друг другу руки.

Откуда мне знать, что у этого умершего такие родственники.

— Я все понимаю, — тихо сказал он, — будем считать это досадным недоразумением, никаких организационно-штатных мероприятий проводить не будем. С негодьями, я думаю, вы с начальником госпиталя сами разберетесь. А сейчас я вас очень прошу встретить мою сестру, маму Петруши, и проводить ее к сыну.

Я выскочил из кабинета, понимая, что все выше сказанное не есть индульгенция и что логика чекистов столь непонятна простым смертным и столь извращена, что неизвестно, чего ждать.

Маму мы проводили к ребенку. Я боялся, что она от радости сойдет с ума. Но все обошлось. Нас не тронули. Начальник госпиталя не тронул меня, я же не тронул наших придурков, ибо боялся за их рассудок. При выбывании двух бойцов анестезиологов-реаниматологов в нашей сибирской глуши замену было бы найти трудно. Короче, воскресение в воскресенье.